

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), *Д. И. ТИХОНОВ*, *В. И. БЕЛЯЕВ*

Д. И. ТИХОНОВ

УЙГУРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX в.

В рукописном собрании Института востоковедения Академии Наук СССР имеется несколько уйгурских рукописей исторического характера, написанных в Синьцзяне в конце XIX и в начале XX в.

Исторические сочинения в Кашгарии писались и ранее, следовательно, новая литература этого характера не стоит обособленно, она развивалась на тех традициях, которые складывались в течение длительного времени. Однако сочинения конца XIX и начала XX в. не следует рассматривать как простое продолжение прежней традиции. Новые условия заставили авторов выйти за пределы династийной истории и уделить значительное место описанию народных восстаний второй половины XIX в. Эти сочинения явились некоторым шагом вперед в развитии уйгурской исторической литературы. Появление сочинений нескольких авторов в короткий период свидетельствует о желании осмыслить события XIX в.; следует подчеркнуть, что осмысление это отвечало интересам господствующего класса феодалов и духовенства.

При рассмотрении уйгурской исторической литературы необходимо учитывать, что она была написана в период, когда положение Китая сильно изменилось. Империалистические державы Европы, Америка и Япония захватывали земли Китая, получали привилегии, наводняли китайский рынок более дешевыми промышленными товарами, разоряли ремесленников, скупали за бесценок сырье, полностью закабалая страну. Маньчжурская династия не способна была организовать сопротивления иностранному вторжению, прогнившая и разлагающаяся, она продалась и предала интересы своей страны.

Во многих провинциях возникли стихийные восстания, направленные против маньчжурской династии и иностранного вторжения. Уже в 1898 г. волна народного протеста прокатилась по центральным провинциям империи и нашла отклик на западе.

К концу XIX столетия провинция Синьцзян как часть Китайской империи, расположенная в Центральной Азии, стала приобретать значение для капиталистических держав. Англия, проявлявшая чрезвычайную активность еще при Якуб-беке, старалась усилить свое влияние в этой провинции. Германия прибирала к рукам нити, шедшие из Турции, Япония развертывала обширные планы своей деятельности в этом районе. Джадидские деятели с первых шагов тянулись к Турции, стремясь направить народное движение в реакционное русло пантюркизма и панисламизма.

Состояние историографии в Кашгарии находилось на крайне низком уровне. В исторических сочинениях еще отсутствует сама проблема исторического познания — основы исторической науки. Исторические сочинения носят описательный, а иногда мемуарный характер. Авторы не пытаются в какой-либо мере подойти к раскрытию закономерностей развития общественных событий.

Повествование событий связывается с ходжами или с Якуб-беком. Простой народ изображается как масса, слепо следующая за руководителями восстания. В обширном сочинении Хаджи Юсуфа „Джам ат-таварих“ все главы приурочены к действиям того или иного влиятельного лица. События совершаются не народом, а ходжами, позднее Якуб-беком „в интересах народа“. Другой автор, Мухаммед Алям, описавший события в Хотанском оазисе, Хабибуллу и его сыновей рисует как подлинных героев, народных защитников. Уйгурские авторы выражают свои симпатии к ходжам или к Якуб-беку. Тот же Мухаммед Алям всемерно восхваляет Хабибуллу с сыновьями как справедливых правителей и очень резко отзывается о Якуб-беке, между тем Мулла Муса высказывает свои симпатии к Якуб-беку и не скрывает недовольства кучарскими ходжами.

Поскольку все авторы имели духовное образование и воспитывались в основном на религиозных сочинениях, то их произведения носят на себе сильное влияние официальных догм ислама. Неизбежно возникает вопрос, как авторы объясняют события, участниками которых они были, какие причины, по их мнению, вызывали народные восстания на протяжении всего XIX в.?

Все восстания, по мнению авторов, были „священной“ войной мусульман против „неверных“, в которой ходжи и Якуб-бек выполняли священный долг перед народом. Подлинное народное движение против непосильного гнета маньчжуро-китайских и местных феодалов этими авторами изображалось как борьба за „истинную веру“. Мухаммед Алям пишет, что население Хотанского оазиса просило Хабибуллу возглавить движение и стать его защитником и избавителем.¹

Рассматривая причины политических перемен в стране, авторы стараются разрешить противоречие, в котором они неизбежно оказываются, тем, что жизнь народа пытаются примирить с догмами ислама. Особенно ярко выражает эти идеи Мулла Муса в своем сочинении „Таарих-и Эминие“,² о чем подробнее будет сказано ниже.

Огживший класс феодалов и ходжи использовали вредную теорию „священной войны“ в своих интересах и, прикрываясь исламом, натравливали на китайское население народности, исповедовавшие ислам.

Ходжи использовали религиозную пропаганду для воспитания фанатизма у населения и этим самым заставляли его следовать за собой как за „избавителями и спасителями“.

Ходжи и многочисленное мусульманское духовенство играли отрицательную роль в политической и культурной истории страны. Народные восстания, вызванные бесправием и нищетой, они использовали в своих интересах, пытались вернуть утраченное политическое господство в стране и получить право безраздельного грабежа трудового народа. Опыт всех восстаний XIX в. показал, что интересы простого народа совершенно чужды были ходжам, которые, захватив власть, заботились об удовлетворении своих узко династических интересов.

Реакционная роль ходжей проявлялась и в том, что они при помощи мусульманского духовенства ограничивали народные движения, задерживали развитие общественного сознания. Борьбу против господства маньчжуро-китайских феодалов, опиравшихся на местных феодалов, они направляли в русло религиозной борьбы и национальной розни.

Мусульманское духовенство было тесно связано со среднеазиатскими ханствами, особенно с кокандским, проявлявшим

¹ Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, В 2322, лл. 4а—4б.

² Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, С 335, стр. 564; Таарих-и Эминие. История владельцев Кашгарии. Сочинение Муллы Мусы. Изд. Пантусова, Казань, 1905, стр. 301.

большую активность в Кашгарии. И более того, они свою борьбу связывали с Турцией и приветствовали объявление покровительства со стороны турецкого султана. Идеи панисламизма турецкого султана встречали поддержку в Восточном Туркестане и находили отражение в литературе. Эти идеи, насаждавшиеся ходжами и духовенством, служили интересам не народа, а реакции, и позднее использовались империалистическими государствами.

Уйгурская историческая литература конца XIX и начала XX в. не может отрешиться от религиозного влияния и пытается объяснить политические перемены по повелению свыше. Но вместе с тем действительная жизнь заставляла авторов обращать внимание на народ. Те места, где описывается положение населения, представляют несомненный интерес, даже при том условии, что сведения эти часто являются отрывочными.

При изучении уйгурской литературы в целом и исторической в частности исследователь неизбежно встречается с большими трудностями. Слабо изучен период, к которому относятся исторические произведения. В работах, посвященных политическому положению, приводятся сведения о социальной жизни, но о культуре уйгур встречаются лишь случайные упоминания. Для более полного и правильного понимания произведения, взглядов автора большое значение имеют сведения о самом авторе, но они, к сожалению, крайне скудны. Из жизни и деятельности авторов известны только отдельные факты. Ничего не известно о том, где они учились, в какой среде формировались их взгляды. Лишь один Мулла Муса сообщает, что он учился у ходжей в Кучаре, участвовал в походе на Аксу и Уч-Турфан, затем занимал различные должности при ходжах и при Якуб-беке. Известно также и то, что он происходил из старинного рода ходжей, получивших жалованный ярлык еще при Убейдулла-хане (1533—1539).

В данной работе не ставится целью решить все вопросы, связанные с развитием общественной мысли в Синьцзяне, и проследить все линии развития уйгурской исторической литературы, а лишь предпринимается первая попытка рассмотреть рукописные собрания на уйгурском языке как памятники, в которых нашла свое отражение общественная мысль Синьцзяна того времени. Здесь рассматриваются в хронологическом порядке только исторические сочинения Института востоковедения, написанные в конце XIX и начале XX в.

Уйгурская литература, в том числе и историческая, не

являлась предметом специального исследования, хотя в до-революционной русской и советской литературе проявлялся интерес к ней: были изданы некоторые уйгурские произведения, опубликованы переводы отдельных сочинений, статьи, в которых дается краткий обзор этих рукописных сочинений, несколько рецензий, но авторы статей ограничивались кратким сообщением содержания того или иного сочинения и описанием внешних данных и не затрагивали основных вопросов уйгурской историографии. Идейное содержание, направление отдельных авторов и литературы в целом не рассматривались (см. „Библиографию“ в конце статьи).

Уже отмечалось, что самым значительным сочинением как по количеству сведений о жизни населения страны, так и по форме изложения является „Таарих-и Эминие“ Муллы Мусы. За ним следует „История Кашгарии“ Мухаммеда Аляма, посвященная событиям в Хотанском оазисе. Автор дает много сведений о событиях в этом районе. В сочинении имеется материал о правлении Хабибуллы, как раз по периоду, который меньше всего освещен. Небольшое сочинение Махмудбека „История Якуб-хана аталыка“ написано, главным образом, о Якуб-беке и его взаимоотношениях с урумчинскими дунганами. Значительная часть огромного сочинения „Джам ат-таварих“ Хаджи Юсуфа — 700 страниц — посвящена политическим событиям Кашгарского оазиса, особенно правлению Якуб-бека. Автор подробно описывает политические события, но меньше, чем другие, приводит конкретных данных о налогах, формах зависимости и о положении населения. Две другие небольшие анонимные рукописи могут дополнить основные источники по некоторым вопросам.

1. „ИСТОРИЯ КАШГАРИИ“ МУХАММЕД АЛЯМА (В 2322)

Русская и западноевропейская литература по истории событий 60-х годов в Хотане содержит сведения самого общего характера. Иногда упоминания ограничиваются лишь указанием, что правителем Хотана был провозглашен муфтий Хабибулла, известный больше под именем Хаджи-падишаха.

Этот пробел в литературе можно восполнить на основании данных местных уйгурских рукописных источников и особенно на основании сочинения Мухаммед Аляма.

Мухаммед Алям начинает повествование с краткой характеристики положения населения в Хотанском оазисе накануне восстания.

سورا و جہادی الاول آید یعقوب بیک نیک دقتیدہ
 التائی وہ سوداگردی بزرگوۃ الورا ایدر دھقانندی
 اوندی بچار یک عشر الورا ایدر بلیغ بیدہ قوغون کیرۃ
 بوقاریتی غرۃ لار کا ایک چار یک لیکریۃ بطن قلب
 اول تکرار الورا ایدر ہر یورت فہیلدہ بکوشیۃ سر قلب
 قویار ایدر ہر کنت کا بکوشیۃ دیوان ہکا دیب منصب
 بویستی یوز تکرار تاتی الورا ایدر بواوم لار بورتی
 ہوتۃ لیکالبان کرک زغیب خرنیۃ فافورور
 ایدر او شہو طاقیدایورت قوتار ایدر بواندیک
 بقی نوغریبیدہ ایست دو رۃ
 چینی خط لکیدر آسنا کیولدوز ویک

Автор приводит яркие примеры, характеризующие тяжелую картину жизни народа, задавленного гнетом маньчжурских и местных чиновников. Ростовщичество в то время достигло невероятно больших размеров и совершенно разоряло трудовое население: „На голову одного человека приходилось несколько видов налога. Если у китайского ростовщика брал (человек) 10 пул денег, лишался земли, воды, имущества, скота“ (л. 16).

Далее автор сообщает, что местная администрация ввела дополнительные сборы с товаров: „С торговца брали налог с товара с одного вьюка верблюда 40 пул, с вьюка лошади $1\frac{1}{2}$ танга, с вьюка ишака 15 пул. Если человек покупал лошадь, то платил налог за лошадь $1\frac{1}{2}$ танга, за ишака 15 пул, за корову 15 пул, за овцу 2 пула, за один кусок суровой ткани 1 пул“ (л. 16).

Возросла трудовая повинность по ремонту дорог, мостов и крепостей. Гнет становился непосильным, в народе росло недовольство. До Хотана стали доходить слухи о поголовном уничтожении дунган. Стало известно о нападении кашгарского амбана на некоторые дунганские селения. В городе преследовались всякие слухи, усилилась расправа со всеми недовольными. Непосредственным поводом к восстанию 22 раби II 1280 г. хиджры (7 октября 1863 г.) явился арест нескольких человек, а затем жестокая расправа с ними. Арестованным отрезали руки, ноги, носы, а затем искалеченных выбросили на улицу, чтобы внушить страх населению.

В связи с указанием даты восстания 22 раби II 1280 г. следует обратить внимание на то обстоятельство, что Мухаммед Алям пишет о дошедших до города известиях о провозглашении в Кучаре ханом Рашид-ад-дина еще до начала восстания в Хотане. Установлено, что Рашид-ад-дин стал ханом после восстания в Кучаре в июне 1864 г. Следовательно, автором допущена ошибка в хронологии событий.

Далее, излагая ход событий в Хотане, Мухаммед Алям говорит, что первоначально правителем Хотанского оазиса был провозглашен Абдуррахман, старший сын Хабибуллы, а когда его убили в сражении, то старый Хабибулла объявил себя падишахом. Этот факт в литературе не отмечался. Автор приводит интересные сведения, характеризующие борьбу кучарских ходжей с Хаджи-падишахом, и пишет о попытке последнего получить покровительство и помощь со стороны кокандского хана. В Хотане, как и в других городах, не было единства среди правящей верхушки. Против Хаджи-падишаха была оппозиция, поддерживавшая кучарских хо-

джей. Мухаммед Алям описывает борьбу этой оппозиции. Приведены некоторые данные о внутреннем устройстве хотанского владения. В частности, дано описание организации войск, порядка комплектования, содержания их, обучения и команды. Перечислены некоторые виды налогов, административные должности.

Хотя сведения Мухаммеда Аляма и не дают полной характеристики правления Хаджи-падишаха, тем не менее они интересны, поскольку раскрывают отдельные стороны жизни нового владения, и при наличии дополнительных материалов помогут изучить мало известную сторону событий 60-х годов.

Мухаммед Алям в первой части своего сочинения не выходит за пределы Хотанского оазиса и касается событий в других оазисах лишь в той мере, в какой они связаны были с Хотанским оазисом. Во второй части, где описывается положение Хотана при Якуб-беке, автор уже не ограничивается пределами одного оазиса.

Вторая часть несколько больше по объему, но в ней содержится менее интересный материал, чем в первой. Приводится то, что известно из сочинений других авторов, но все же и эти сведения Мухаммеда Аляма необходимы для уточнения некоторых фактов. В частности, у авторов имеется небольшое расхождение в указаниях времени похода Якуб-бека на Хотан. Мухаммед Алям говорит, что поход предпринят 27 рамазана 1283/3 февраля 1867 г. Тогда как в „Таарих-и Эминие“ дан месяц шабан 1283 г. хиджры, а Хаджи Юсуф называет месяц раджаб. О казни Рашид-ад-дина Якуб-беком сказано, что его привязали руками и ногами к ветвям деревьев. В своей рецензии В. В. Бартольд высказал сомнение по поводу такой формы казни Рашид-ад-дина.¹

О смерти Якуб-бека Мухаммед Алям говорит то же, что и другие местные авторы. Когда стали приближаться китайские войска, то Нияз-бек организовал заговор против Якуб-бека и отравил его. Время занятия Кашгара китайскими войсками относится к маю 1878 г.

Несомненно очень важное значение имеют сведения о налогах при Якуб-беке. Хотя они и не дают полного представления о налоговой системе при Якуб-беке, но тем не менее в совокупности со сведениями других источников и свидетельствами путешественников могут быть полезны при

¹ В. В. Бартольд. Рецензия на рукописное сочинение Мухаммеда Аляма. Известия Российской Академии Наук, серия VI, т. XV, 1921, стр. 183.

изучении внутренней политики Якуб-бека. Мухаммед Алям сообщает о новой системе налогового обложения, введенной китайским императором в 1883 г. Ставки, указанные автором, совпадают с теми, которые даны в других источниках. Все земли были разделены на три категории: с 1 му земли первой категории взымали 5 джинов зерна; с 1 му земли второй категории взымали 3 джина зерна; с 1 му земли третьей категории взымали 1 джин зерна. Кроме того, брали дрова, солому. Торговцы платили за товары из расчета три фунта с одного сара. За продажу лошади платили 3 танга, коровы — 3 танга, ишака — 2 танга, овцы — 30 пул.

Хотя Мухаммед Алям не дает названия как самому сочинению, так и отдельным частям, все же нетрудно его сочинение разделить на четыре части: небольшое вступление характеризует общее состояние страны, затем следует описание событий в Хотанском оазисе и правления Хатиб-ходжи, третья часть излагает военные походы Якуб-бека и в конце дано небольшое заключение в прозе и стихах.

Мухаммед Алям не делает экскурсов в прошлое. Темой всего его сочинения служит событие, современником и участником которого он был. Сочинение закончено в 1311 г., или в 1893/1894 г. Мухаммед Алям не является простым наблюдателем событий, у него есть свое мнение об этих событиях, симпатии и антипатии к людям, о которых он упоминает.

Сочувствие автора на стороне Хатиб-ходжи. Его можно проследить на протяжении всего сочинения, но имеются места, где оно высказывается особенно ярко. Причем он указывает на всеобщее расположение населения к Хабибулле (Хатиб-ходжа), которое высказано им следующими словами: „Хотанский народ любил своих героев из рода Хабибуллы, клялся быть верным им и, если понадобится, отдать жизнь“. Абдуррахман (сын Хатиб-ходжи) им изображается народным героем, за которым люди смело шли в сражение. Автор подчеркивает его военную доблесть, способности управлять. Нияз-бек представляется им предателем. Он предал защитников Яркенда, а затем отравил и самого Якуб-бека, когда убедился, что его правление подходит к концу.

Характеризуя Якуб-бека, Мухаммед Алям вспоминает, как тот, будучи хакимом Ак-Мечети, совершал преступления и за них должен был подвергнуться смертной казни. Мухаммед Алям не случайно упоминает о преступлениях Якуб-бека в бытность последнего хакимом Ак-Мечети. Ему нужны были эти факты, чтобы более ярко подчеркнуть правление Якуб-бека в Кашгарии, полное интриг и преступлений.

Мухаммед Алям в отличие от других уйгурских авторов считает, что населению при Якуб-беке жилось тяжело. В одном месте он перечисляет некоторые сборы и порядок их взимания. „При Якуб-беке через шесть месяцев с торговцев брали зякет. С посевов с 10 (чариков) брали ушр один чарик, с садов, клевера, люцерны, бахчей, хлопка и других таких посевов с одного чарика земли взимался танапный сбор 10 танга. В каждом юрте имелся саркар. В каждый кент назначали диван бега и 500 танга брали тартук. Эти люди взимали с окрестностей государственный налог и вручали в казну. Таким путем окрестностями управлял“ (л. 60б).

Всю деятельность в Кашгарии Якуб-бека и андижанцев, как он называет пришедших с Якуб-беком, автор оценивает отрицательно. Свое сочинение Мухаммед Алям заканчивает стихами, в которых пишет, что андижанец убежал, как кабан, живущий в лесу. Пришел и ушел андижанец, не сделав ничего полезного.

В этих словах выражено мнение не только самого Мухаммед Аляма, но известной части населения Хотанского оазиса, где имя Якуб-бека меньше находило сочувствия, чем в других оазисах.

Победа маньчжурских войск, по убеждению Мухаммед Аляма, ничего хорошего не принесла населению. Сам Мухаммед Алям принимал активное участие в восстании и поэтому вынужден был бежать летом 1876 г. в Тибет с небольшой группой людей. Однако вскоре вернулся обратно.

То обстоятельство, что автор являлся участником событий и писал о том, что видел сам, придает большую достоверность его сочинению. Сам он происходил из Хотана, следовательно, хорошо знал людей, игравших видную роль в событиях. Главная цель восстания им усматривается в борьбе местного населения против маньчжуро-китайской военщины. Мухаммед Алям был сторонником Хабибуллы и стоял за сохранение независимости Хотанского владения. Он считал, что Хотан не должен был признавать свою зависимость как от кучарских ходжей, так и — позднее — от Якуб-бека.

2. АНОНИМНАЯ РУКОПИСЬ (С 579)

Небольшая анонимная рукопись занимает 30 страниц среднего формата. Она посвящена обзору событий в Кашгарии с момента восстания в Кучаре до падения ханства Якуб-бека. Рукопись не имеет самостоятельного значения для изучения истории страны второй половины XIX в., так как автор огра-

ничивается лишь общими упоминаниями отдельных событий и фактов, не давая подробного описания их. Но при наличии других рукописей она представляет интерес, поскольку в ней имеется подтверждение некоторых фактов, еще не установленных твердо и требующих дальнейшего изучения.

Время написания сочинения не указано, но поскольку в самом начале рукописи упоминается, что события 1863 г. произошли 35 лет тому назад, то нетрудно установить, что рукопись была написана в 1898 г.

Повествование начинается с восстания дунган в западных провинциях Китая в 1863 г. под руководством Дахо. Это восстание нашло поддержку у населения Кучара, когда во главе движения стояли ходжа Рашид-ад-дин и ходжа Исхак. Затем определяются границы владений кучарских ходжей: на восток от Хотана, а на запад до Аксу и Яркенда.

События в Кашгарском оазисе изложены весьма кратко. Указано, что после погрома дунган кашгарским амбанем туда прибыл Садык-бек во главе киргиз с отрядом в 4000 человек и осадил город. Осада длилась 60 дней. В крепости начались голод и недовольство. В одну из ночей люди, недовольные маньчжурскими чиновниками, восстали и открыли ворота киргизам.

Садык-бек, захватив Кашгар, не надеялся удержать его без посторонней поддержки. Этим автор объясняет причину направления посольства от Садык-бека в Коканд. „Турция и Россия от нас далеко, — говорит автор словами Садык-бека, — прежде чем придет от них помощь, нас разобьют, а Коканд находится ближе и, кроме, того, в Коканде родственные нам племена“.

Кокандский хан Алимкул прислал в качестве правителя Кашгарии Бузрук-хана, которого сопровождал Якуб-бек. Прибывшие с ними люди назначались военными начальниками, когда Якуб-бек начал создавать себе надежное войско, чиновники также назначались из пришедших.

Автору известно, что Якуб-бек был комендантом крепости Ак-Мечеть, затем находился в Ташкенте, откуда и прибыл в Кашгар.

Борьба Якуб-бека за власть в Кашгаре, а затем с кучарскими ходжами и Хотаном описана в самых общих выражениях. Через восемь месяцев после взятия Кучара Якуб-бек предпринял поход против дунган Комуля (Хами) и Турфана. Имеется упоминание о посольстве к турецкому султану и о прибытии ответных послов из Турции. Султан Абдул Азиз, объявляя свое покровительство Якуб-беку, прислал подарки,

в числе которых было 6 пушек. После этого Якуб-бек начал чеканить золотые деньги с изображением турецкого султана Абдул Азиза.

Автор указывает, что Якуб-бек надеялся сохранить с Россией хорошие отношения, для чего отправил своих представителей в Россию.

О падении ханства Якуб-бека приводятся известные сведения. Представляет интерес свидетельство автора, что Якуб-бек был отравлен. Яд положил в варенье Махмуд Али-бек и подал вечером с чаем Якуб-беку. Смерть наступила на следующее утро. Руководителем заговора называется Нияз-бек. На последних страницах рассказывается о борьбе после смерти Якуб-бека за ханскую власть и о прибытии маньчжурских войск.

На странице 15 этой рукописи упомянуто о распродаже земель согласно шариата. Но, как и в остальных случаях, автор ограничивается лишь общим указанием и не приводит конкретных данных, не рассказывает, кому продавалась земля, на каких условиях. Судя по отдельным, весьма кратким замечаниям, можно предположить, что автор был хорошо осведомлен о событиях в Кашгарии и в Средней Азии, особенно в Кокандском ханстве.

Автор не выражает особых симпатий к Якуб-беку. Он нигде не говорит о своем отношении к политическим событиям, к отдельным лицам, появлявшимся на политическом поприще в это время в Кашгарии. Перед именем Якуб-бека не ставит возвышенных эпитетов, как это обычно встречается у других авторов. Лишь в одном месте он указывает, что Якуб-бек прибавил к своему имени слово بادولت — бадовлят.

Весьма скупо автор пишет о кокандском хане. Но зато при упоминании турецкого султана автор высказывает свое уважение к нему значительно больше, чем к другим правителям. Он подчеркивает его силу и высокое положение султана. Видно, что симпатии автора на стороне Турции.

Автор писал свое сочинение по памяти. С другими сочинениями, посвященными этому же периоду, он не был знаком. Судя по тому, что описаны, главным образом, события, связанные с Якуб-беком, можно предположить, что автор в этот период находился в Кашгарском оазисе.

3. „ИСТОРИЯ ЯКУБ-ХАНА АТАЛЫКА“ МАХМУД-БЕКА (В 772)

Махмуд-бек написал свое сочинение в 1899 г. Являясь уроженцем селения Артыш Кашгарского округа, он, естественно, главное внимание уделяет описанию местных событий и прав-

лению Якуб-бека. Его сочинение начинается стихами, затем сообщается краткий рассказ о восстании дунган в западных провинциях Китая в 1279/1862 г. Несколько листов посвящено восстанию в Кучаре и военным походам кучарских ходжей на Аксу и Кашгар. События в оазисах, расположенных восточнее Кучара, Махмуд-бек не затрагивает.

Сведения Махмуд-бека не расходятся с другими авторами, но у него иногда встречается неточное изложение некоторых фактов. Описывая, например, поход на Аксу, Махмуд-бек указывает на назначение хакимом Уч-Турфана Фахр-ад-дина, тогда как по другим источникам это не подтверждается. Автор пишет, что Садык-бек направил послов в Коканд к Худояр-хану, но Худояр-хан был свергнут еще в 1863 г. и вновь вернулся к власти лишь в 1866 г., а посольство прибыло в 1864 г., когда ханом был Алимкул. Посольство вынуждено было направиться в Ташкент, где в это время находился хан.

Махмуд-бек приводит некоторые подробности о встрече Бузрук-хана, отсутствующие у других авторов. Он пишет, что Садык-бек приказал всем жителям Кашгара выйти для встречи Бузрук-хана. Встреча была организована очень пышно. Праздник продолжался три дня. Сообщение Махмуд-хана об этом заслуживает внимания, так как ранее указывалось на то, что население само вышло для встречи Бузрук-хана.

Борьба Якуб-бека за Яркенд, Хотан и дальнейший ход событий изложен также очень коротко. Поражение кучарских ходжей и походы Якуб-бека на дунган и дальше на восток (на Турфан и Хами) рассказаны весьма сжато. Перечисляя чиновников, назначенных Якуб-беком после занятия Урумчи, Махмуд-бек дает перечень должностей, которые другими авторами не указываются. Наряду со сборщиками зякета и других налогов были назначены мульткадар и диванбеги. Правда, кроме упоминания о назначении указанных чиновников ничего больше по этому поводу не говорится. О налогах сказано, что взимались: харадж, танапный сбор, зякет, — они взимались по шарияту.

Махмуд-бек, как и другие авторы, хотя и более скупое, пишет, что Якуб-бек заботился о бедных людях, стремился оказать им всемерное содействие и защитить от притеснений беков. В чем выражалась эта забота — автор не указывает. Скорее всего — это просто один из приемов восхваления Якуб-бека. Хотя Махмуд-бек несколько сдержанней, чем Хаджи Юсуф, выражает свои чувства к Якуб-беку, но все же он считает его правление справедливым для всего населения

страны. В одном месте сочинения автор замечает, что пришедшие из Кокандского ханства своей родины не имели. Но это замечание относится к людям, более низким по чину и положению, а не к Якуб-беку, так как в конце сочинения в стихах сказано, что бедные люди видели в Якуб-беке своего защитника.

Махмуд-бек дополняет и уточняет наши сведения по отдельным вопросам истории Кашгарии второй половины XIX в.

4. „ТААРИХ-И ЭМИНИЕ“ МУЛЛЫ МУСЫ (С 335)

Сочинение Муллы Мусы „Таарих-и Эминие“, законченное 11 шаввала 1321/17 декабря 1903 г., состоит из введения, двух повествований и заключения. После краткого объяснения причин, побудивших написать книгу, следует введение, которое начинается с упоминания о том, что семь городов Восточного Туркестана когда-то назывались Могулистаном. Затем следует генеалогия ханов, восходящая к Ною. Объясняется происхождение тюркских народов.

Хотя автор при изложении раннего периода истории страны пользовался не только легендами, но и историческими сочинениями, тем не менее нельзя сказать, чтобы эта часть сочинения отличалась полнотой сведений и их достоверностью. В свое время академик В. В. Бартольд отметил этот недостаток и привел некоторые примеры расхождения в сочинении Муллы Мусы с другими авторами.¹

В отдельных случаях события приурочиваются к определенным датам. Так, например, проникновение ислама в Восточный Туркестан связано с именем Абу Насра Самани, прибывшего туда в 943 г. во время правления Богра-хана. В Хотанский оазис ислам проник только через 40 лет. Провозглашение Чингиз-хана монгольским ханом отнесено к 1201 г., тогда как это произошло в 1206 г.

Если сочинение Муллы Мусы для раннего периода истории страны не может служить источником в силу ограниченности сведений и их неточности, то для истории второй половины XIX в. из всех известных сочинений на уйгурском языке оно является основным как по политической истории, так и по данным о социальной жизни страны.

¹ В. Бартольд]. Рецензия на Таарих-и Эминие. История владельцев Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса, сайрамца. Издание Н. Н. Пантусова, Казань, 1905. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVII, 1907, стр. 0188—0195.

В конце введения содержится рассказ о восстании Джангира. В нем не приводится новых сведений, позволяющих пополнить наши представления об этом событии. Само восстание почему-то отнесено к 1832—1833 гг., хотя события эти происходили в период 1825—1827 гг. Другие события первой половины XIX столетия не отмечаются автором.

За введением следуют рассказы. В первом повествовании излагаются события с начала дунганского восстания в западных провинциях Китая до захвата власти Якуб-беком во всех оазисах страны. Восстание в Кучаре, по свидетельству Муллы Мусы, произошло 1 мухаррама 1281/7 июня 1864 г. Здесь, как и у других авторов, указывается на издание маньчжурским императором указа о поголовном истреблении дунган, чтобы предотвратить волнения на далекой западной границе империи. Весть о предстоящей расправе и послужила поводом к восстанию. Другую причину восстания дунган автор видит в том, что европейцы захватили многие города Китая и ввиду этого положение бедного населения стало очень тяжелым.

В Кашгарии и Джунгарии также резко ухудшилось положение населения. Вот что пишет автор по этому поводу. От центрального правительства Китая перестала поступать дотация на покрытие административных расходов. Образовалась большая задолженность чиновникам и войскам. Для выплаты жалованья и покрытия долгов местная администрация увеличила налоги, провела ряд мер для увеличения поступлений денег в казну. Начали разработку серебряных и медных рудников, но поскольку условия труда были невыносимо тяжелыми, а жалованья чиновники не платили, то все рабочие разбежались и рудники пришлось закрыть.

Вся тяжесть налогов ложилась на плечи крестьян и ремесленников. Богатые откупались взятками. Продажа должностей производилась открыто. Купившие должность старались как можно скорее вернуть свои расходы. Многие крестьяне стали бросать свое хозяйство и уходить в поисках работы. Положение стало невыносимо тяжелым, и народ поднял восстание.

Обстановка накануне восстания охарактеризована довольно подробно. Мулла Муса, рассматривая причины восстания, не ограничился одной Кашгарией, он постарался выйти за ее пределы и связать народные движения в Кашгарии и Джунгарии с народным движением в Китае. Из местных авторов только он один говорит о вторжении европейцев в Китай и о тяжелых последствиях этого вторжения.

Затем следует описание военных походов кучарских ходжей на Аксу, Кашгар, Хотан, на Турфан и Хами. Все

походы описаны довольно подробно, что дает возможность уточнить некоторые положения.

По свидетельству Муллы Мусы — непосредственного участника восстания — ханом в Кучаре был провозглашен Рашид-ад-дин ходжа (Хан-ходжа), один из потомков черногорских ходжей. Свидетельство Муллы Мусы очень важно, поскольку в литературе встречаются указания на то, что кучарским ханом первоначально был Бурхан-ад-дин.

Мулла Муса описывает походы кучарских войск на Аксу несколько по-иному, чем Хаджи Юсуф. В этом вопросе следует предпочесть данные Муллы Мусы, поскольку он сам принимал участие в одном из походов.

Восстание в Уч-Турфане против кучарских ходжей описано только у Муллы Мусы. Приводятся данные о попытке илийских таранчей связаться с кучарскими ходжами. Их посольство прибыло в Кучар и просило оказать покровительство. Хан Ходжа дал согласие распространить свое влияние и на Илийскую долину. С этой целью было направлено в Кульджу 150 человек. Однако ко времени прибытия кучарского отряда в Кульджу там произошел переворот и новый султан отказался признать свою зависимость от Кучара.

В первой части сочинения, как и во второй, встречаются повторения. Так, например, к сражению кучарских войск с Якуб-беком у Хан-Арыка Мулла Муса возвращается не один раз.

Второй рассказ посвящен уже правлению Якуб-бека, приводится краткая его биография. Мулла Муса, как и все другие уйгурские авторы, сообщает о службе Якуб-бека в Ак-Мечети, преступления, совершенные там, за которые он должен был подвергнуться наказанию.

Мулла Муса довольно хорошо осведомлен о положении в других оазисах. Приводится много подробностей по Хотанскому оазису и сведения его совпадают с данными других авторов. Поскольку Мулла Муса сам был крупным чиновником во время правления Якуб-бека, то он располагал сведениями о налогах, административном устройстве и т. д. Он пишет, что в больших городах были созданы казенные мастерские. В этих мастерских работали ремесленники самых различных профессий. Кузнецы готовили ружья, котельщики отливали пушки, портные шили одежду и т. д. Из Коканда выписаны были мастера. Устанавливался определенный порядок работы в мастерских. Правда, Мулла Муса ничего не говорит о самом порядке кроме того, что мастера были заняты в мастерских до созревания плодов в садах и на баштанах.

За время работы в мастерских ежемесячно все получали жалованье.

Далее автор сообщает, что пастбища зимние и летние, необводненные земли, бывшие казенные земли, сады и огороды были объявлены ханской собственностью.

Большого внимания заслуживает указание о пожаловании Якуб-беком сюргала. Автор приводит несколько случаев, когда в качестве сюргала жаловались целые области. Это упоминание тем более ценно, что свидетельств по этому вопросу пока очень мало. Мулла Муса пишет о пожаловании сюргала кучарским ханом Рашид-ад-дином. Следовательно, сюргальные пожалования не были введены Якуб-беком, а лишь приняли более широкий размах при нем. Рассматривая некоторые вопросы социальной жизни при Якуб-беке, он описывает порядок пожалования земель и прикрепления крестьян по приказу маньчжурского императора. В частности, он указывает, что в Аксу землю и крестьян имело 46 чиновников. Хаким Аксу имел 100 прикрепленных хозяйств, ишкага 60, а мелкие чиновники имели по 4 хозяйства.

Прикрепленных крестьян автор называет „тамгалык янчи“ — „люди тамги“, т. е. люди, прикрепленные по ханскому указу, и их правовое положение определяется бумагой с казенной печатью.¹ Возможно, это тот термин, о котором Л. И. Думан писал в своей статье об институте яньцзы в Восточном Туркестане в XVIII в., что „термин яньцзы есть транскрипция некийтайского, повидимому, тюркского слова“.²

Если термин „тамгалык янчи“ обозначает ту форму зависимости, что и китайский „яньцзы“, то упоминание Муллы Мусы поможет выяснить более полно его социальную и историческую сущность.

Прикрепленные крестьяне не имели юридического права отказаться от работы на чиновника, к которому прикреплены, и отправиться к другому. Сами крестьяне юридически сохраняли независимость, их нельзя было продать, они имели имущество, землю и вели свое хозяйство независимо от чиновника, к которому были прикреплены, самостоятельно платили налоги. Вопрос о формах зависимости крестьян в Восточном

¹ Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, С 335, стр. 334: یورت فقرالار قونکر تامغه ليق یا نچی دیب. Издание Н. Н. Пантусава, стр. 186: یورت ققرارلاریچینده تامغه ليق یا نچی دیب.

² Л. И. Думан. Феодальный институт яньцзы в Восточном Туркестане в XVIII в. Известия Института востоковедения АН СССР, вып. III, 1936, стр. 93.

Туркестане еще мало изучен и поэтому сведения Муллы Мусы представляют большой интерес.

Не все нравится автору после свержения маньчжурских властей. Он с горечью замечает, что некоторые бедные дунгане, наманганцы и другие нажили себе большие деньги, стали иметь имущество, захватили кяризы и даже занимают почетные должности. Действительно, некоторые чиновники составили огромное богатство. Например караван Нияз-бека, направленный в Кашгар к Якуб-беку, состоял из 400 лошадей и вез 8 чариков золотого песку, тысячу ямб в золотых слитках, парчу, шелк, дорогие меха и другие ценности. Мулла Муса—далеко не безразличный наблюдатель действительности. Господство маньчжуро-китайских феодалов в стране он рассматривает как большое несчастье для народа, посланное в наказание свыше. Когда народ поднялся на борьбу за свою независимость, Мулла Муса тоже принял участие в восстании. Но не все он принимает после восстания. Первые восторги правлением Хан-ходжи у него скоро сменяются разочарованием. Симпатии к Якуб-беку значительно сильнее, чем к его предшественнику, но и здесь Мулла Муса со многим не может примириться. Как представитель ходжей, он с горечью смотрел на то, что многие бедные люди разбогатели и заняли важные и прибыльные должности. По его понятиям, почетные и важные должности могли занимать только знатные люди, ходжи, беки. Стоящий у власти, обладающий богатством становится влиятельным. Трудно было примириться автору с новым положением, ведь он—представитель знатного рода, ведущего свою родословную от самаркандских шейхов, имевших пожалование от Убайдуллы, хана узбекского (1533—1539).

Когда автор писал свое сочинение, ходжи почти совсем сошли с политической арены, быстрее стало богатеть купечество. Народные восстания 1898—1900 гг. в Центральном Китае слабым отзвуком докатились и до Синьцзяна, начали появляться политические идеи, в которых уже можно было увидеть интересы новых социальных сил—буржуазии.

Мулла Муса был сторонником борьбы против господства маньчжуро-китайских феодалов и стоял за создание мусульманского государства, в котором должны управлять люди знатного происхождения, и все, что выдвигалось жизнью и ходом событий и не укладывалось в эту схему политических взглядов автора, им осуждалось и считалось неправильным.

Касаясь внешнего положения ханства Якуб-бека, Мулла Муса прежде всего останавливается на завоевании Средней Азии царской Россией, его интересуется судьба Кокандского

ханства в свете той политики, которую последнее проводило в Восточном Туркестане. Далее автор говорит, что Якуб-бек направил посольства в Россию и к турецкому султану, а также указывает на ответное посольство турецкого султана, объявившего „высокое“ покровительство Якуб-беку. Но автор не высказывает особых восторгов по поводу этого покровительства, поскольку Турция находится очень далеко от государства Якуб-бека.

В конце сочинения, правда без конкретных фактов и очень коротко, автор дает описание городов Кашгарии. Следует заметить, что список Института востоковедения АН СССР полное изданного Н. Н. Пантусовым.

Мулла Муса имеет свои взгляды на положение и ход событий в Кашгарии. Он против маньчжурского господства. Однако причину всех несчастий и тяжелого положения простого народа он ищет не в общественном и политическом строе, а в личных качествах чиновников, которые стали алчны и несправедливы. Если чиновники будут следовать исламу, то управление будет справедливым.

Далее довольно подробно характеризуется Нияз-бек. Вся его жизнь связана с интригами, предательствами, с достижением корыстных целей. То он тайно вступает в сношения с Якуб-беком и предает защитников Яркенда, то вновь переходит на сторону маньчжурского императора и отравляет Якуб-бека.

Совсем по-другому автор пишет о правлении Якуб-бека. Жизнь в стране, подчеркивает он, быстро стала налаживаться, все население было довольно. При упоминании имени Якуб-бека автор не скупится на самые возвышенные эпитеты. По его мнению, Якуб-бек сам вникал во все вопросы управления государством, принимал жалобы, всячески содействовал развитию торговли, одаривал купцов. Здесь сказываются не только личные симпатии. Мулла Муса хотя и принадлежал к старому знатному роду ходжей, но уже обедневшему и давно переставшему играть сколько-нибудь заметную роль в политической жизни. Его предки не занимали видных и доходных должностей. Господство кучарских ходжей не сулило ничего заманчивого, тогда как Якуб-бек привлекал к себе на службу мелких феодалов, проявлявших недовольство ходжами.

Как же Мулла Муса оценивает восстание и весь период с момента восстания до нового завоевания страны императорскими войсками? Восстание, по его определению, было направлено против господства маньчжурского императора. Правда, эту борьбу он описывает как религиозную борьбу

мусульман с „неверными“. Мусульмане борются за „спасение“ ислама, объявляют газават. Стараясь подчеркнуть эту мысль, Мулла Муса неоднократно говорит, что мусульмане свергли „неверных“ и „открыли ислам“. Период независимого существования Кашгарии им рассматривается как время расцвета культуры и экономики. Особенно много, по его мнению, способствовал процветанию Якуб-бек.

Религиозное влияние на автора было настолько сильно, что он, приводя довольно большой фактический материал, характеризующий исключительно тяжелое положение населения, видит причину всего этого в наказании свыше. Избавление от угнетения, от нищеты также происходит по указанию свыше. Автор пишет, что китайские чиновники стали сильно угнетать народ, слезы людей полились, стали они просить защиты свыше, их молитвам вняли на небе и вместо китайского императора стали править ходжи. Вскоре ходжи начали притеснять народ, который снова стал молиться об избавлении. На смену ходжам пришел Якуб-бек. Первый период справедливого правления Якуб-бека сменился жестокостями и угнетением. Люди стали возносить молитвы, прося защиты от Якуб-бека. Тогда его сменили чиновники маньчжурского императора. Объяснение политических перемен по воле свыше выражало взгляды самого Муллы Мусы и соответствовало господствовавшей в то время религиозной идеологии ислама.

Мулла Муса, как уже отмечалось выше, сообщает о себе несколько больше сведений, чем другие авторы. Приводится родословная автора, восходящая к халифу Али. Предки автора жили в Средней Азии, но в первой половине XVII в. были переселены ойратами в Кашгарию, где основали селение Сайрам, в память того Сайрама в Средней Азии, из которого они вышли. В свое время предки Муллы Мусы пользовались известным влиянием, о чем свидетельствует выданный в 946/1538 г. Убейдулла-ханом ярлык Кемаль-ад-дину о назначении его Шейх-уль-исламом Сайрамского вилайета.

Сам Мулла Муса родился в селении Сайрам, расположенном между Аксу и Кучаром (170 верст восточнее Аксу). В течение нескольких лет он обучался в Кучаре в медресе у муллы Осман Ахуна, а затем вернулся обратно в Сайрам. Когда восставшие кучарцы следовали через Сайрам на Аксу, Мулла Муса присоединился к ним и участвовал в сражении у Кара-Юлгуна, где Бурхан-ад-дин потерпел поражение. После занятия Уч-Турфана кучарцами он направился туда, где играл довольно заметную роль. Был имамом мечети, хранителем

печати и заведовал казенными продовольственными амбарами, пользовался доверием, давал постоянные советы по делам управления. Ни один вопрос в Уч-Турфане ходжи не решали без его совета, как он сам пишет об этом. Во время восстания в Уч-Турфане против кучарских ходжей Мулла Муса был назначен для переговоров с восставшими.

При Якуб-беке Мулла Муса в течение 11 лет занимал различные должности, сперва сборщика податей, а затем мирзы. У Якуб-бека пользовался доверием, о чем свидетельствует тот факт, что он приглашался им на беседы и пил с ним чай из одной пиалы.

Историческое повествование часто сменяется небольшими стихами. Встречаются рубай, месневи. Мулла Муса, воспитанный на арабской и персидской литературе, старался следовать установившейся в феодальной литературе Кашгарии традиции подражать персидским авторам как в манере исторического повествования, так и в формах стиха.

Язык сочинения Муллы Мусы очень трудный. Он содержит много персидских и арабских слов, не только уже вошедших в состав уйгурской лексики, но и весьма редких. Вследствие сложности языка и возвышенного стиля „Таарих-и Эминие“ недоступна широкому читателю и рассчитана на узкий круг людей, знающих персидский язык.

Хотя „Таарих-и Эминие“ Муллы Мусы является самым значительным историческим сочинением конца XIX и начала XX столетия, но оно не явилось в истории уйгурской литературы и общественной мысли тем произведением, которое завершало бы период старой феодальной историографии и начинало бы в развитии культуры и литературы уйгурского народа совершенно новое направление.

5. „ДЖАМ АТ-ТАВАРИХ“ ХАДЖИ ЮСУФА (Д 124)

Хаджи Юсуф, сын Муллы Ашура халифе, написал свое сочинение в период с 20 июня 1907 г. по 3 марта 1908 г. в бытность свою в Кашгаре в квартале Кескент. Ему было в то время 70 лет. При написании сочинения он пользовался советами других людей. Как пишет автор, он со своего сочинения снял три копии, которые распределил следующим образом: одну отдал некоему дамулла Шами, другую одному хотанскому баю, а третью отправил на родину Якуб-бека, в селение Пскент (ныне Андижанской области УзССР).

Приходится высказать сожаление по поводу того, что доступен пока один список из четырех. Наличие других копий

помогло бы устранить отдельные описки, неточности и непонятные места, встречающиеся в тексте.

Биография Хаджи Юсуфа нам не известна. Сам автор говорит о себе, что он родился в Куш-доба близ Ташмалыка Кашгарского округа. Следовательно, родина его находится недалеко от Янги-Гиссара. В этом районе жили киргизы рода турайгыр-кипчак, принимавшие активное участие в политических событиях 60-х годов в Кашгарском оазисе. Их предводитель Садык-бек захватил власть в городе Кашгаре и удерживал ее до прибытия Бузрук-хана с Якуб-беком.

Неизвестно, где находился Хаджи Юсуф в момент восстания и какое участие в нем принимал. Можно предполагать, что он, вероятнее всего, был в Кашгарском оазисе. Ему было в то время 27 лет и события, в ходе которых было свергнуто господство маньчжуро-китайской империи, не могли пройти бесследно. Несомненно, у него сохранились личные воспоминания о восстании 1857 г., так как в то время ему было 20 лет.

Труд свой Хаджи Юсуф назвал „Джам ат-таварих“ („Собрание историй“). Поскольку главное внимание в сочинении уделено Якуб-беку, то автор счел необходимым дать пояснение, что им описывается правление Якуб-бека и его сыновей. Сочинение носит мемуарный характер. В нем рассказывается то, что видел сам автор или слышал от других. Сочинение писалось 43 года спустя после восстания и многое могло забыться или казаться иначе, чем было на самом деле. Отдельные даты неточны, иногда перепутаны имена, и некоторые эпизоды описаны ошибочно. Таких неточностей больше всего встречается в первой части, где повествуется о положении дел в оазисах Кучара и Аксу.

Восстание в Кучаре, по свидетельству Ходжи Юсуфа, началось 14 раби I 1281/18 августа 1864 г. Эта дата не совпадает с другими источниками, указывающими на июнь месяц. Хаким Кашгара Кутлук-бек, по свидетельству автора, вызвал Садык-бека к себе в Кашгар 5 месяца 1280 г. (октябрь 1863 г.). Из этого следует, что события в Кашгарском оазисе начались почти на год раньше, чем в Кучаре. Прибытие Бузрук-хана с Якуб-беком датируется также 1280 г., что могло бы быть не ранее мая 1864 г., тогда как известно, что они прибыли в начале 1865 г.

Повествование ведется в хронологическом порядке. Вначале идет краткий рассказ о восстании дунган в западных провинциях Китая. Он служит как бы вступлением, после которого уже следуют описания события в оазисах Кашгарии.

Самому восстанию в Кучаре уделено мало внимания, особенно правлению Рашид-ад-дина. В этой связи имеется интересное упоминание о том, что ходжи в Кучаре, зная о нарастающем недовольстве населения, готовились к захвату власти, тайно собирались, намечали себе хана, который должен был стать затем ханом всей Кашгарии.

Заслуживает внимания свидетельство о распоряжении маньчжурских властей о поголовном уничтожении дунган в Джунгарии и Кашгарии с целью предотвратить здесь волнения. Имеется указание автора на письмо кашгарского хакима Кутлук-бека. Само по себе упоминание об этом не является новостью. Сведения о приказе поголовного уничтожения дунган в западных областях были известны и из других источников, но поскольку имелось сомнение в достоверности такого приказа, то еще одно свидетельство имеет значение для окончательного решения вопроса. Тем более, что Хаджи Юсуф указывает на то, что Кутлук-бек успел частично привести в исполнение приказ и в некоторых селениях Кашгарского оазиса уничтожил всех дунган. Вот что он пишет: „В дату 1280 года дунгане стали врагами китайскому хану. Поэтому в этих восьми городах китайским амбаням и дано было дано письмо. Внутри ханства дунгане стали врагами великому хану. Это письмо направлено, чтобы не было плохих дунган. Меры приняв, на дунган ночью напасть и с семьями перебить“ (л. 33а, 33б).

Участие киргизов в событиях 60-х годов слабо освещено в литературе. Даже уйгурские источники не в полной мере знакомят читателя с данным вопросом. Исключение в этом отношении составляет Хаджи Юсуф, посвящающий киргизам значительную часть своего сочинения.

Автор приводит много интересных подробностей, благодаря которым полнее вырисовывается участие киргизов в политических событиях XIX столетия в Синьцзяне и особенно во время правления Якуб-бека. Киргизы во главе с Садык-беком прибыли в Кашгар из Ташмалыка при следующих обстоятельствах. Когда в кашгарском оазисе стало беспокойно, то хаким города Кашгара Кутлук-бек вызвал в помощь маньчжуро-китайскому гарнизону Садык-бека, который ранее оказывал преданность маньчжурскому императору. Однако когда киргизы прибыли в Кашгар, Кутлук-бек отказался открыть городские ворота. Он опасался, что киргизы перебьют китайское население и захватят город в свои руки. Желая предотвратить выступление киргизов против китайцев, Кутлук-бек отдает тайный приказ схватить Садык-бека, а на его место

назначить другого. Когда об этом стало известно Садык-беку, он решил осадить город Кашгар.

Описывая непродолжительное правление Садык-бека в Кашгаре, Хаджи Юсуф говорит, что он отстранил старых чиновников и назначил новых, главным образом из киргизов. Население не всегда признавало над собой власть Садык-бека. В отдельных случаях последнему приходилось вести довольно упорную борьбу. В Артуше дело дошло до того, что чиновников, назначенных им, отказались признать и заявили о нежелании подчиняться его распоряжениям. Киргизские чиновники, по свидетельству автора, притесняли население и еще больше возбуждали недовольство. Что касается общих установок Садык-бека по внутренней политике, то Хаджи Юсуф ограничивается замечанием, что он отменил маньчжуро-китайские законы и стал управлять по шарияту.

Автор подробно рассказывает о борьбе Садык-бека с Якуб-беком, о том, как Якуб-бек постепенно расширял свою власть в Кашгаре, создавал воинские отряды, назначал пришедших из Кокандского ханства на различные должности, вытесняя Садык-бека и его сторонников. Садык-бек вскоре был назначен лашкер-баши войск, расположенных в городах и селениях Кашгарского оазиса. Садык-бек хотел использовать в своей борьбе Кичик-хана тюрю, одного из ходжей, игравшего руководящую роль в восстании 1857 г., и делает попытку заключить соглашение с кучарскими ходжами о совместном выступлении против Якуб-бека. Однако дипломатические шаги Садык-бека не дали ожидаемых результатов. Он потерпел поражение и пришел к Якуб-беку с признанием своей зависимости.

Далее следует описание военных походов Якуб-бека на Яркенд, Хотан и Марал-баши. Здесь Хаджи Юсуф не приводит новых данных.

Автору в какой-то мере известны были события и в среднеазиатских ханствах. Коротко он рассказывает о борьбе Бухарского и Кокандского ханств. Отмечается занятие русскими войсками Самарканда и попытка бухарского эмира создать под верховенством Бухары коалицию против русских из правителей Бадахшана, Дарваза, Куляба и Коканда.

Возвращаясь к описанию правления Якуб-бека, Хаджи Юсуф пишет о прибытии послов из Бухары и Кабула, английской миссии Форсайта и русского представителя. Только русского представителя автор называет везирем. Особо отмечается посольство 1285/1868-1869 г. из Турции от Абдул Азиза с ярлыком о покровительстве и согласии оказать помощь.

Осведомленность Хаджи Юсуфа о внешних сношениях Якуб-бека значительно больше других авторов. Однако, перечисляя посольства к Якуб-беку, Хаджи Юсуф ничего не говорит о посольствах самого Якуб-бека и не приводит сведений, характеризующих его внешнюю политику.

Во второй половине сочинения описываются походы Якуб-бека на Кучар, Урумчи, Манас, Турфан и Хами. Здесь, как и в первой половине книги, описываются с мельчайшими подробностями военные походы и сражения. Об организации управления и о налогах говорится мало, в самой общей форме. Приведены названия должностей, на которые Якуб-бек назначал чиновников, но поскольку не указаны обязанности чиновников, нельзя воспроизвести полную картину организации административного аппарата и системе управления в ханстве Якуб-бека. Заслуживает внимания неоднократное упоминание о взимании в больших размерах коналгу для содержания войск во время военных походов: „Аталык гази, получив письмо тюря, тотчас священное послание отправил: «На дунган Дахо, Шихо, Гума, Манаса наложите много коналгу и храните»“ (л. 336а); „в Сайраме Мухаммед Эмин токсаба много коналгу приготовил“ (л. 342б).

Большое место отведено описанию борьбы Якуб-бека с дунганами. Благодаря Хаджи Юсуфу и другим авторам, можно будет выяснить во всех деталях известную пока лишь в общих чертах сторону взаимоотношений дунган и Якуб-бека. Если роль дунган в первый период восстания освещена хорошо, то в последующее время она выяснена слабо и поэтому дополнительные сведения по данному вопросу представляют интерес.

Хаджи Юсуф, судя по его сочинению, был в Кашгарском оазисе во время событий 60-х годов и в период правления Якуб-бека. Поэтому, естественно, возникает вопрос, на чьей же стороне его симпатии, как он относился к различным руководящим группам в стране?

Хаджи Юсуф о кучарских ходжах и Хабибулле пишет как посторонний и беспристрастный наблюдатель, не высказывая своего мнения о них. Что касается Бузрук-хана, то автор не попадает в восторженность при оценке его как правителя. Зато Хаджи Юсуф не скрывает своих симпатий к Якуб-беку. Он отмечает его большую роль в создании независимого государства, в „спасении ислама“. Якуб-бек, по его мнению, старался развивать торговлю с соседними странами и внутри своих владений. Он строил караван-сарай, мосты, улучшал дороги, принимал купцов, разбирал их жалобы, требовал,

чтобы налоги взимались по определенным нормам. Хаджи Юсуф пишет, что Якуб-бек выслушивал жалобы бедных людей и строго наказывал виновных чиновников.

Вот как Хаджи Юсуф характеризует деятельность Якуб-бека: „Великий аталык гази с радостью пришел в Кашгарское государство и в результате (воссел) на престоле султана. Справедливо разбирал жалобы вдов и бедных. Со всех концов из селений, с 18 караулов, с почтовых станций вызвал в Кашгар чиновников. Совершавших насилие и притеснение сяркеров и диван-бегов заслуженно наказал, установил справедливость“ (л. 1086).

Высказывания подобного рода встречаются в сочинении Хаджи Юсуфа неоднократно. Он стремится представить Якуб-бека справедливым правителем, заботившимся о народе, удовлетворявшим нужды бедных. Можно, конечно, допустить, что были случаи, когда наказывались чиновники по жалобам неимущего населения, особенно в первое время правления Якуб-бека, но делалось это, разумеется, не ради заботы о бедняках, а просто для укрепления своего положения как нового правителя Кашгарии.

Для уяснения некоторых вопросов внутренней политики Якуб-бека автор приводит важные сведения об установлении тартука. Подарки подносились дорогие, они имели узаконенную форму и весьма способствовали росту личного богатства самого Якуб-бека. Вот несколько примеров: „Мухаммед Эмин токсаба собрал большой тартук и аталыку гази было очень приятно“ (лл. 341б, 342а). „Некоторое количество золота, серебра, лучшего оружия, чая навьючили не одну арбу на верблюдов (и) в знак уважения направили в Кашгар аталык гази“ (л. 299а).

Как видно из свидетельства Хаджи Юсуфа, тартук для Якуб-бека собирался с населения, причем чиновники, конечно, не забывали при этом и себя. Львиная доля из собранного оставалась у них самих. Подобные сборы проводились в неограниченных размерах, злоупотребления здесь получали полный простор.

Правление Якуб-бека продолжалось 14 лет, 4 месяца и 9 дней. Такое точное указание имеется только у Хаджи Юсуфа. „Джам ат-таварих“ можно разделить на две части. Первая часть списка занимает 176 страниц. Она начинается с описания восстания дунган в западных провинциях Китая и заканчивается изложением событий в самой Кашгарии до прихода Якуб-бека. Вторая часть более обширна и составляет 530 страниц. Эта часть охватывает период

с момента прихода в Кашгар Якуб-бека до падения его ханства.

В свою очередь, каждая из этих частей распадается на более мелкие разделы, повествующие об отдельных событиях. Для того чтобы представить содержание материала в рукописи, достаточно будет привести порядок его распределения.

Часть первая

1. Вступление. Объяснение названия. Восстание дунган в западных провинциях Китая (лл. 1а—46).

2. Восстание в Кучаре, провозглашение Рашид-ад-дина ханом и походы кучарских ходжей на Аксу, Уч-Турфан, Кашгар (лл. 46—8а).

3. Военные походы на Карашахар, Турфан (лл. 8а—33а).

4. События в Кашгаре (лл. 33а—39а).

5. Прибытие Садык-бека с киргизами в Кашгар. Захват города. Отправление посольства в Коканд (лл. 39а—686).

Часть вторая

1. Прибытие Бузрук-хана с Якуб-беком в Кашгар. Борьба Якуб-бека с предводителем киргизов Садык-беком. Бегство последнего в Янги-Гиссар (лл. 686—85а).

2. Походы Якуб-бека на Яркенд и Маралбаши. Борьба со своими противниками в Кашгаре. Полная победа Якуб-бека. Рассказ о завоевании русскими Средней Азии (лл. 85а—148а).

3. Взаимоотношения Якуб-бека с Хабибуллой и захват Хотана (лл. 140а—1866).

4. Походы Якуб-бека против кучарских ходжей, занятие Аксу, Уч-Турфана, поражение Рашид-ад-дина и взятие Якуб-беком Кучара (лл. 1866—245а).

5. Войны с дунганами Урумчи и Манаса. Походы на Турфан (лл. 245а—309а).

6. Приход войск китайского императора, поражение Якуб-бека, смерть Якуб-бека, занятие страны войсками китайского императора (лл. 309а—353а).

Сочинение написано простым языком, на кашгарском диалекте. Оно доступно широкому кругу читателей. Сложные обороты употребляются иногда для украшения стиля или для характеристики поступков высокопоставленных лиц, когда автору кажется, что для этого простых, обычных слов недостаточно. Частые повторения и отдельные неточности несколько снижают научное и литературное достоинство сочинения Хаджи Юсуфа.

6. АНОНИМНАЯ РУКОПИСЬ (В 4018)

Среди уйгурских рукописей Института востоковедения имеется небольшое сочинение, посвященное событиям в Илийской долине и содержащее по отдельным вопросам истории таранчинского султаната весьма интересные данные.

Рассказ начинается с упоминания о том, как 6000 хозяйств было переселено в Илийскую долину из городов Кашгарии, а владельцы их сделаны таранчами-земледельцами. Земледельцы должны были обрабатывать отведенную им землю и снабжать расположенные здесь войска продовольствием и фуражом.

Положение таранчей все ухудшалось и, наконец, стало нестерпимым. Автор коротко, но ярко рассказывает об этом на третьей странице своей работы. Жалобы таранчей не выслушивались. На них никто не обращал внимания, все делалось так, как хотели беки. Высокопоставленные маньчжурские чиновники брали взятки от беков. Нищета народа достигла таких размеров, что население питалось только пшеном, а вместо чая употребляли коренья: „В двухстах хозяйствах, подчиненных одному беку, нельзя было найти две-три лошади“ (л. 2а).

Когда стало известно о восстании в Урумчи и Кучаре, таранчи и дунгане Илийской долины восстали и общими усилиями разбили маньчжуро-китайские гарнизоны и захватили Кульджу и Куре. Таранчи собрали войска около 7—8 тысяч человек, сделали две самодельных пушки, поставленные на арбы. Султаном стал Ма'азум-хан, но он скоро был убит другой группой, пытавшейся захватить власть.

Вскоре между руководителями таранчей и дунган произошел конфликт. Кульджинские дунгане обратились за помощью в Урумчи. Оттуда прибыло 300 человек. Однако силы таранчей оказались значительнее, и они одержали победу над дунганами. Едва закончилась борьба таранчей с дунганами, как прибыло 1500 кибиток калмыков. Султан выслал им навстречу 3000 солдат и разбил их.

Шибо и солоны пытались выступить против таранчей и поддержать маньжуро-китайские правительственные войска, но серьезных успехов не имели. Скоро их сопротивление было подавлено. В Илийской долине базы восставших первоначально находились в мазарах. Здесь они получали питание и все необходимое для вооруженного выступления. Позднее, когда таранчи одержали победу, их базой стала военная крепость Куре, расположенная близ Кульджи.

С двадцатого листа начинается рассказ о прибытии в Кульджу русских войск. Автор указывает, что русские войска эланикому не причиняли и население было ими довольно (лл. 21, 25). О султане он пишет, что он отправился в Алма-Ата.

Когда русские войска стали выходить из Кульджи, много таранчей и дунган перешло в Россию в районы Токмака, Кара-Балим и Кок-Аксу (л. 25).

Описывая положение после победы таранчей, автор высказывает отдельные замечания об организации административного управления, о налогах. Он говорит, в частности, что казахи платили зякет, а торговцы и крестьяне вносили 5 ямбов. Но в Илийской долине, кроме казахов, кочевали калмыки и киргизы. Какую подать платили они — об этом данных нет. С чего вносилось пять ямбов оседлым населением, пояснений также не дается. Управление было организовано по шариату, во все селения султан назначил своих чиновников.

Рассматриваемая рукопись представляет интерес как для изучения истории таранчей, так и для изучения истории уйгурской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
М. Ф. Гаврилов. Странички из истории Якуб-бека бадаулета — правителя Кашгарии. Сборник „В. В. Бартольд“, Ташкент, 1927.
Н. Н. Пантусов. Война мусульман против китайцев, вып. 2. Казань, 1881.
Н. Н. Пантусов. Стихотворение о Якуб-беке государе Кашгарии, и о событиях его времени. Казань. 1901.
И. Первышев. Ресалэ-и Якуби (воспоминания о Якуб-беке Кашгарском Камиль-хане-Ишана). Истор. марксист. 1940, кн. 3.
К. Усманов. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне. Вопросы истории, 1947, № 2.
К. А. Усманов. К вопросу о роли русской исторической науки в изучении Синьцзяна (XIX в.). Труды Московского института востоковедения, № 6, 1951.
-